

Александр Неклесса

**КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО МИРА:
НОВЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОСТИ**

ББК 87.68
УДК 008
Н 54

«Кормчий Вселенной, словно бы отпустив кормило, отошел на наблюдательный пост, космос же продолжал вращаться под воздействием судьбы и врожденного вождения... Когда же он отделился от Кормчего, то в ближайшее время вершил путь прекрасно; по истечении же времени и приходе забвения им овладевает древний беспорядок, так что, в конце концов, вырождается, и в нем остается немного добра, смешанного с многочисленными противоположными свойствами. Тогда космос подвергается опасности разрушения и гибели всего, что в нем есть».

Платон

«Общая оценка культуры как высокой или низкой определяется в глубине своей, по-видимому, не интеллектуальным или эстетическим мерилом, но этическим и духовным. Культура может называться высокой, даже не создавши ни образцов техники, ни скульптур. Но так ее не назовут, если ей не хватило милосердия».

Йозеф Хейзинга

НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ» ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ РАН
КОМИССИЯ ПО СОЦИАЛЬНЫМ И КУЛЬТУРНЫМ ПРОБЛЕМАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
ИНСТИТУТ АФРИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЦЕНТР ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЛАБОРАТОРИЯ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ЛАБОРАТОРИЯ «СЕВЕР – ЮГ»)

«СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ». ВЫПУСК №14
АВТОРСКАЯ СЕРИЯ АЛЕКСАНДРА НЕКЛЕССЫ

СЕМИНАР «КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО МИРА И НОВЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОСТИ»

Руководитель семинара: И.В. Следзевский

Со-руководитель семинара: А.И. Неклесса

Заседание 26 октября 2011. Тема «Постсекулярный мир»

Доклад А.И. Неклессы «Пришествие постсекулярного мира»

Заседание 9 ноября 2011. Тема «Постсоциальный мир»

Содоклад А.И. Неклессы «Глобальный социальный транзит (Deus Irae. В ожидании следующего удара)»

Научное издание

А.И. Неклесса. Кризис современного мира: новые формы социальности / Семинар «Кризис современного мира и новые формы социальности» // «Социокультурные проблемы глобализации». Выпуск №14 / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации / Рабочие материалы Комиссии. – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2011. – 19 с.

Выпускающий редактор: Татьяна Рудакова

Компьютерная верстка: Александр Бакунин

© 2011, Александр Неклесса

ИНСТИТУТ АФРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Institute for African Studies
Russian Academy of Sciences

ЦЕНТР ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЛАБОРАТОРИЯ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ЛАБОРАТОРИЯ «СЕВЕР–ЮГ»)

СЕМИНАР «КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО МИРА И НОВЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОСТИ»

КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО МИРА:
НОВЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОСТИ

«Дорога из второго в третье тысячелетие пролегает на руинах представлений о естественном человеке и прогрессе: путь, ведущий от декларации "смерти Бога" к провозглашению "смерти человека". И восстанию элит... Из мира дьявольских альтернатив, чудовищных ошибок, творимых ради продления жизни и удержания ада, цивилизация

переходит к многолюдному обществу, где прежние ценности ставятся ни во что, а человеческая жизнь дешевле, чем на невольничьих рынках древности».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: постсекулярность, секулярность, христианство, модернити, этатизм, поздний индустриализм, постсовременность, кризис, трансформация, индивидуация, Новый Север, Глубокий Юг, трансэкономические мотивы, комплексность, антропо-социальные структуры, Лапутания, прекарии, мирвой андеграунд, культура смерти, цивилизация смерти, сингулярность.

I. ПРИШЕСТВИЕ ПОСТСЕКУЛЯРНОГО МИРА

Ultima Cumaevi venit iam carminis aetas;
magnus ab integro saeculorum nascitur ordo (*).
Jam redit et Virgo, redeunt Saturnia regna,
jam nova progenies caelo demittitur alto.
Virgil

Уважаемые коллеги,

некто из древнегреческих мудрецов, пребывая в предсмертной тоске, на вопрос о причинах страха, якобы ответил: *«боюсь, что предо мною то, о чем я ничего не знаю»*. Сегодня мы констатируем все более явное присутствие в социальной и культурной ткани пост-просвещенческого дизайна, но что же именно знаем о *настоящем настоящем*, каковы его «гештальт и контент»?

* «Сызнова ныне времен зачинается строй величавый» (пер. С. Шервинского)

Прочерчивая контур туманной галактики, обнаруживаешь фрагменты обширного панно, однако полноценное описание наступающей эпохи, опознание ее настоящего имени все еще сомнительно – это мерцающая реальность, смысловое облако. И криптографическая сумятица: общество постиндустриальное, постсовременное, информационное, когнитивное, креативное, сложное (комплексное) – лишь обертки истинного содержания. Всплывают также результаты относительно недавних размышлений, фиксирующие двойственный, двусмысленный облик новой реальности: *e.g.* «общество доверия» и его антипод – «контрактный мир», «атомизированная реальность» и «общество участия» etc. Так что речь пока идет о пороговой интуиции, а ниже следующее рассуждение скорее о кризисе перехода, о версиях и умножающихся симптомах строя по ту сторону постиндустриального барьера.

Впрочем, уже сейчас можно содержательно обсуждать многие аспекты грандиозной трансформации: исторический, политический, экономический, культурный, творческий, методологический, аксиологический, философский, теологический, антропологический, прогностический... Констатируя системный характер кризиса Модернити.

Меж тем феноменология исторического транзита и без того обильная продолжает умножаться. Мозаика иного включает радикальное преобразование городской культуры, сдвиги в международном праве, глокализацию, деэтизацию, неорегионализацию (геоэкономику), хрематистику финансов, капитализацию нематериальных активов, стимулирующие и провокативные практики *goodwill*, дигитальную культуру. В плаценте строя вызревают антропосоциальные организмы (АС-структуры), оперирующие новыми средствами господства, самоподдерживающиеся интеллектуальные системы (SAI), мутирующие в сложноподчиненные сообщества программ. Происходит смешение черт массового общества с индивидуацией, прописей антиутопии с универсальной транспарентностью, совершается общая трансмутация норм.

Одно из направлений обобщения и декодирования обнаруживаемых феноменов, тенденций и парадоксов – размышления о *постсекулярном мире*.

«НЕ МИР, НО МЕЧ»

Секулярность рассекает целостность бытия на сепаратные пространства, разделяя примордиальные воды. Отделяя *временное* (т.е. пребывающее во времени, вре́менное) от *вечного* – но обращенного в статику *нормативно-привычного* – и отчуждая правопорядок от традиции (т.е. действуя как своего рода социальная «брита Оккама») секулярность утверждает автономность публичной сферы от института прямых конфессиональных регуляций, легализуя совершенно иной формат ее независимости.

Перенаправление правовых и политических функций от религиозных институций к обществу/государству избавляет людей от традиционалистской опеки и клерикального патернализма, прививая им опыт самостояния. А частичная стерилизация картины мира дискредитирует суеверия, индуцируя склонность к «совершеннолетнему» бытию. Свободный (самостоятельный) выбор из разбегающихся альтернатив является скорее опытом *взросления*, т.е. развитием во времени, нежели монотонным умножением бытия: репликацией, *размножением*, экспансией в пространстве.

Так ограничивается власть плотно сложившегося, освященного веками порядка вещей. Ответственность за смысловую позицию и жизненный маршрут переходит к личности, становится

зоной ее персонального онтологического риска. Человеку тем самым предлагается пройти сквозь акт второго рождения.

Отпочковываясь от бессознательно воспроизводимых «провиденциальных рескриптов» и освобождаясь от приравненной к ним институциональной плаценты – меняя, в конечном счете, саму геометрию общественной архитектуры – секулярность придает коммуникациям и действиям специфический импульс, оставляя в теле человечества занозу, провоцирующую исследовательский пыл и желание перемен. А в итоге, неочевидным образом транслирует позаимствованную у своих мировоззренческих истоков энергичную устремленность к дальним целям бытия.

И как следствие формирует культуру свободного выбора, осознанного обновления (противостоящие императиву фатализма и власти традиций), навыки «постоянного социального изменения», ментальность эксперимента, прогресса, *модернизации*, столь отличные от синхронистичных схем мандалической замкнутости. Либо подчинения траектории, роковым образом влекущей к веку «железному». История, обретая в откровении смысл, обнаруживает теперь в кодах земной практики механику перемен. Прежний ее модус пассивного хроникера-регистратора событий радикально меняется. С этого момента диахронный маршрут определяется *миростроительством* – целенаправленным со-творчеством людей.[†]

Так у истории фокусируется перспектива: появляется горизонт рукотворного будущего.

* * *

Кризис секулярного мира – отражение транзитного статуса христианской цивилизации, что подразумевает: современное общество есть ее актуальный аспект.[‡] Следует признать, подобное утверждение способно шокировать обыденное сознание.

Секулярное общество уникально в истории. Не случайным образом возникнув и развиваясь в русле христианской культуры, оно подтверждает ранг человека как свободной богоподобной личности. *«Секуляризация, как однажды заметил немецкий теолог Фридрих Гогартен, — закономерное следствие действия библейской веры на мировую историю. Поэтому не случайно, что в первую очередь процесс секуляризации начался в странах так называемого христианского Запада, там, где влияние библейских религий на историю оказалось наиболее заметным. Развитие естественных наук, демократических политических институтов, культурного плюрализма — все те достижения, которые мы обычно связываем с западной цивилизацией, — едва ли можно понять без учета того первого импульса, которым послужила Библия. Хотя люди уже давно не осознают этой связи, она все еще существует. Культурные влияния продолжают действовать еще долго после того, как бывают забыты их источники».*[§]

Для данной культуры характерна энергия преобразований из-за признания особого достоинства человека и высокой сложности мироустройства, во многом неопознанного, парадоксального и даже алогичного с людской точки зрения, однако же постигаемого взрослеющим разумом. Здесь истоки неспекулятивного знания (*e.g.* упомянутых выше естественных наук) и многовекторной трансформации.

[†] Ср. «История – второй шанс человечества».

[‡] Что это, кризис перехода, знаменующий окончание очередного 500-летнего цикла, или же нечто большее?

[§] Харви Кокс. Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: Восточная литература, 1995. – С. 33. (Harvey Cox. The Secular City: Secularization and Urbanization in Theological Perspective, 1965).

Транслированные некогда христианством представления о нелинейной природе мира (тринитарное богословие, христологическая антропология), засеяв почву нового времени, оплодотворив ее, обернулись познанием данной культурой – но уже в секулярном обличье и порою трагическим образом – удивительных порядков бытия.

Следствием чего станет со временем процесс повторного сближения быта, мировоззрения и метафизики.

ДОРОЖНАЯ КАРТА – I

Людам, мучительно переживавшим утрату привычной целостности, модификацию координат реальности, предстояло также пройти сквозь последовательное разрушение прежних миров.

Социоген современности – городская культура. Дорожная карта Нового времени это производительные города-государства (коммунальные сообщества граждан), проложившие путь от сосредоточения административных функций и экстенсивной торговли к расширенному воспроизводству мануфактур и фабрик, магдебургскому праву и генеральным штатам, соединенным провинциям и республиканскому общежитию. А также *«гражданскому политическому сообществу для установления более совершенного порядка»*** и «Декларации прав человека и гражданина».

Средневековье уже беременно Новым временем, вынашивая в своем лоне зачатую секулярностью современность. Тут корни парламентаризма, представительной демократии (депутатов как заместителей народа), разделения властей, независимой судебной системы, гражданской самоорганизации, конфессиональной, расовой терпимости и т.п. Варварское состояние Европы, вся сумятица темных веков перемалываются на жерновах одолевающей упадок, преобразующейся городской культуры. Той культуры, которая, отвернув мир феодальных доменов, сословного общества, породила гражданство, политическую нацию, национальное государство.

Третье сословие бюргеров, буржуа, горожан, граждан создает среду для левых идеологий, утверждая революцию^{††}, а не войну в качестве доминантного инструмента эпохи. Развитие же мыслительного и технического инструментария обеспечивает промышленную революцию, сопровождаемую «инженерным энтузиазмом», а восстание масс открывает шлюзы форсированной этатизации: главной политической технологии XX века.

Экспансия христианской цивилизации, сопровождающаяся евангелизацией и колонизацией, распространяется на окружающие пространства, переходит на другие континенты, охватив со временем всю планету.

* * *

В XX веке континентальные и морские империи окончательно уступают место национальным государствам. Одновременно прочерчиваются траектории взлета и деградации эпохи – путь трансгрессии гения Модернити. Что вкупе с высоким уровнем техносферы, достигнутым

** «Мейфлауэрское соглашение» (Mayflower Compact, 1620).

†† Сложное понятие, подчас противопоставляемое бунту против законной власти (ср. знаменитый диалог Людовика XVI и герцога де Лианкура). Данная категория тесно связана с вопросом о праве народа на восстание против тирании как средстве *восстановления* (т.е. «ре-волюции») порядка и справедливости, утраченных из-за попрания деспотом естественных прав, основных свобод, фундаментальных договорных обязательств (конституционных принципов) либо божественных установлений (т.е. захвата, узурпации власти правителем или в иной формулировке – «мятежа тирана»).

цивилизацией, производящей изощренные механизмы (кратно усиливающие возможности человека, позволяя оперировать многоуровневыми системами) сформировало облик позднего индустриализма.

Частичная стерилизация картины мира, заложенная в секулярном концепте, влекла многообразные следствия. Для общества, сложившегося к началу прошлого века, были характерны активное технологическое конструирование, интенсивное производство, взгляд на государство как на политическую машину, на войны как форму индустриальной деятельности. И на личность как «машинного человека» (*Maschinenmensch*) либо, несколько иначе, – «винтика». ^{##} Получила развитие социальная инженерия, сформировался новый класс: *номенклатура* (или партийная / национальная / федеральная, а затем международная бюрократия), своего рода страта политических инженеров. ^{§§}

Машинизация общества и как следствие – механистичность представлений о мире и человеке вели к уплощению восприятия реальности, ее дальнейшей редукции, омертвлению и даже своеобразной социальной некрофилии. ^{***} Этатизм – это, пожалуй, самый яркий феномен века, имевший драматичные следствия, осмысление которых заставляло задумываться о глубоких корнях проклятых вопросов, о «двусторонних» аспектах темы промысла и отчуждения, о стезях теологии после ГУЛАГа и Освенцима.

В сфере же практики размышления о претензиях, экспансии, гегемонии этатизма ⁺⁺⁺ стимулировали поиски *конструктивной деконструкции* положения вещей. И они же активизировали попытки опознать альтернативную комбинацию политической триады: государство – бизнес – общество. Иначе говоря, усилили стремление найти баланс этатизма, предпринимательства, коммунитаризма. Эскизы различным образом трактуемой «золотой формулы» отразились, к примеру, в таких доктринах, как ордолиберализм («социальное рыночное господство») или неолиберализм («контрактный мир»), а также в обновленных прочтениях коммунальной практики (неопрудонизм, альтерглобализм, движение «ассамблей», «оранжевые инициативы» ⁺⁺⁺ и т.п.).

ДОРОЖНАЯ КАРТА – II

После двух мировых войн («тридцатилетней войны» XX века) в логике отмирания империй, универсализации формата национального государства и в борьбе за свободу торговли был

^{##} См. «Метрополис» Фрица Ланга (Friedrich Lang, «Metropolis», 1927).

^{§§} Александр Неклесса. Номенклатурное государство // Будущее как предчувствие (http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/budushhee-kak-predchuvstvie/).

^{***} Эрих Фромм. Анатомия человеческой деструктивности (Erich Fromm. «Anatomie der Menschlichen Destruktivitat», 1973).

⁺⁺⁺ В разновидностях ли «социализма в одной стране», «национального социализма», «корпоративизма» либо «хустисиализма». Или же «Нового курса» (New Deal) и т.д.

⁺⁺⁺ «"Оранжевыми" принято (*было* – А.Н.) называть организации, откровенно пародирующие деятельность политических партий и движений. Перенимая внешние признаки политических партий, они вместе с тем ставят в качестве программных заведомо несуразные и абсурдные цели». (Ю.Г. Коргунюк, С.Е. Заславский. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. – М.: Фонд ИНДЕМ, 1996. – С.126). Определение «оранжевые» происходит от символики голландских контркультурных и анархистских движений «Прово» и «Партия гномов» (1965 г.). Синтез же контркультуры и политики прослеживается уже в польском движении *Porogańszowa alternatywa* («Оранжевая альтернатива»), действовавшем преимущественно во Вроцлаве в восьмидесятые годы. Дальнейшее развитие (и новое звучание) данная тенденция получила в ходе украинской «помаранчевой (оранжевой) революции» осенью 2004 года.

инициирован процесс деколонизации, имевший собственный исторический маршрут, свой список открывшихся ран и кровоточивых поражений. Резня между индусами, сикхами, мусульманами в Индии. Погромы хуацяо в Индонезии. Режим красных кхмеров в Камбодже. Иди Амин и Бокасса. Биафра и Руанда, Дарфур и Сомали, «конголезские» войны рубежа тысячелетий, злодеяния «Освободительной армии господ» и т.д.

Выход на арену Третьего мира, а затем глобализация и сопутствующая ей трансграничность в числе иных следствий ведут к слому цивилизационного стандарта, вселенской мультикультурности, плотному сосуществованию аксиологически и теологически автономных миров.

Совмещение традиционалистских инклюзий с ареалами позднего индустриализма и подвижной реальностью постсовременности воплощает химеричность комплексного общества (*суммы общностей*). Черты нового строя можно различить во множественных мутациях социосреды: становлении постгородского интерьера, глокализации метаполисной (основанной на гравитации *hub'ов*) картографии, деэтицизирующегося и частично виртуального универсума.^{§§§}

* * *

К концу века утрата оснований прежним строем становится очевидной.

Рушатся классовые, расовые, национальные перегородки и параллельно возникают новые; привычные коллективные несогласия замещаются индивидуальными разночтениями, совершается контркультурный переворот. В постиндустриальном контексте прописываются позиции критического, интеллектуального, креативного класса, происходит революция элит. Человеческий космос персонализируется и усложняется, бывшие иерархии, коды деятельности распадаются либо преобразуются, порою с точностью до наоборот.^{****} Делегирование полномочий ставится под сомнение, происходит сдвиг к прямой, но асимметричной (конкурентной) демократии пассионарностей, ориентированной скорее на социальное, нежели политическое обновление, а в самом обществе нарастает «бешенство превращений», ведется страстная борьба за право на индивидуальность.

В антропологическую вселенную вновь широко вторгается метафизика. Скорлупа секулярной светскости, обеспечившая вызревание сугубо человеческих качеств (оставив некогда людей один на один с неопознанными мирами), раскалывается. Люди получают новую степень свободы, и наступившие времена, в сущности, не что иное, как очередной такт духовной алхимии – проверка достоинств/недостатков, обретенных во временно и лишь отчасти замкнутой галактике. Это скорее мир характеров, нежели типажей: арена персон, еще полускрытых в рассеивающемся тумане уходящего времени.

Развоплощение окостеневавшего мира сменило прошлое его расколдовывание. Реальность была заново прочитана: сняты многие ограничения, устранены некоторые отчуждения, а стандартные процедуры, верификации – наследие индустриальной культуры – вытесняются дерегуляцией и субъективной оценкой ситуации (т.е. превалирует сознание уникальности *ad hoc*). Иначе говоря, формальная определенность уступает место бытийному релятивизму. Вопрос «как это на самом деле?» утрачивает прежнее значение при доминировании содержания над формой упаковки. «Физическое» понимание реальности перетекает в

^{§§§} Мир как метакоммуникация: от «*media is the message*» до «глия вместо нейронов», «смартмоб» и «семантическое/социальное облако».

^{****} Ср., к примеру, соотношение в актуальной экономической практике удельного веса нематериальных и материальных активов, или капитализации предприятий с их балансовой стоимостью.

«фактическое». Более важными в социальной галактике оказывается конкретный статус обстоятельств. И представления о них.

На фоне роста цены нематериальных активов происходит трансмутация реальности – реабилитация виртуального, психического, метафизического измерений бытия.

ПОСТСЕКУЛЯРНОСТЬ

Постсекулярность толкуется различным образом, существуют ее «западная» и «восточная» ипостаси, в практической же аналитике доминирует комплексный подход.⁺⁺⁺⁺

Тема постсекулярности в определенной мере является реакцией на трагический опыт XX века: дискредитацию прогресса, прочих просвещенческих идеалов, самой сценографии Модернити. Фиксирует она парадоксальную амальгаму социализации (обобществления) и приватизации (персонализации) сложных схем мировидения в соответствии с логикой меняющегося восприятия реальности. И одновременно – кризис институционального христианства как «религии», его дробление на конфессиональные молекулы, растворение, ферментацию в культуре и быте. Равно как и культурную растерянность, охранительные рефлексии, общую депрессию позднего индустриализма, обнаруживаемые в едва ли не экспоненциальном росте систем контроля и безопасности, консьюмеризме, моральном релятивизме, иной феноменологии массового общества, а также эксцессах секуляризма.

Рационализм воплощаемый как редукционизм ведет к восприятию реальности как тривиальности. Светскость же, интерпретируемая в этом случае как *прагматичный, слишком прагматичный* шаблон, уплощается, утрачивая былые культурные основания, а заодно историческую легитимность. Усеченный индивид творит конъюнктурные коллажи из обрывков прописей и осколков прежней картины мира.

* * *

Поздний индустриализм балансирует на подвижной границе с зарей постмодерна.

Постсекулярность может рассматриваться в подобной схеме как инструмент адаптации к возникающим вызовам, но также как очередная попытка человечества освободиться, наконец, и от остаточных искушений «искусной искусственности» пантеизма, и от мимикрии окультуренного под здравомыслие подражательного, «тенеобразного» нигилизма.⁺⁺⁺

Мультиконкретная модель мира пробуждает к жизни гиперреализм бытийного текста, основанный на деконструкции wishful thinking схоластических прописей Просвещения («*хотелок Модернити*»), в настойчивых, *критических* поисках подлинности: попытках искушенного духа постичь истинный смысл событий, каким бы тот ни оказался. Это новая экзистенциальная позиция, которую нельзя обрести простым путем или за медные деньги, но которая была произведена трагическим опытом, вынужденным мужеством и отчаянным эскапизмом, предопределив сдвиг в мировидении. Но, возможно, что-то приоткрывается либо слишком рано, либо же это нечто, превосходящее способность человека принять данную версию реальности.

⁺⁺⁺⁺ В XX веке государственная религия была отменена в 63-х странах, в XXI веке 113 стран официально не имеют государственной религии. Она, однако, существует в 75-ти странах: Иране, Пакистане, Израиле и т.д.

⁺⁺⁺ См. позиции по данной проблеме Юргена Хабермаса «Против воинствующего атеизма. Постсекулярное общество - что это такое?» и Йозефа Ратцингера /Бенедикта XVI/ «Ценности в эпоху перемен» (Jürgen Habermas. The Dialectics of Secularization. w/ Joseph Ratzinger, 2007).

Подобно мастеру-творцу Виктору Франкенштейну *Zeitgeist* расчленяет, преобразует, сочетает – подчас в эпатажных комбинациях – привычные, т.е. прошлые трактовки, «музейные представления», рассматривая их в качестве простых красок на палитре: рутинного подспорья в неистовом поиске. И обращается с ними как с преходящими подручными материалами, существенно меняя при этом значение категории «коллаж». Во всяком случае, европейская версия постсекулярности – это не до-секулярное состояние и не возврат к прежней ситуации (как Контрреформация не означала возврата к дореформационным порядкам), не религиозно-сословная унификация и не реванш религии в прежнем формате. Но результат долгосрочной индивидуации, симптом «хорошо темперированной» социальной/ментальной полифонии, хотя порой и с элементами какофонии.

* * *

Однако постсекулярность – также эклектичный дизайн постколониальной трансгрессии: мультикультурная взвесь оседает на территориях дисперсного сосуществования, не вписываясь в региональную социокультурную модель (наиболее яркий пример – происходящая «реколонизация Европы»). Мультикультурализм демонстрирует сегодня разницу в энергетике конфессиональных, культурных потенциалов. И кризис прежнего цивилизационного ценза.

На пороге века возродилась тема цивилизационной конкуренции.^{§§§§} В условиях постколониализма позднеиндустриальная европейская сумятица соприкасается, совмещается с экспансией Востока. Возникает, в частности, непростой диалог о потенциях ислама и универсализме мусульманской идентичности (ср. средневековый *Universum Christianum*, его манифестации, целеполагание, психологию обитателей).

К тому же «арабская весна», заместив светский авторитаризм умеренным исламом, запустила на Большом Ближнем Востоке процесс формирования постсекулярного геополитического массива в собственной редакции.

КРИТИЧЕСКИЙ РУБЕЖ

К вышеперечисленным явлениям примыкает аксиологический и антропологический кризис.

Христианская концепция личности, сама логика активной, деятельной позиции подводят события к предельной ситуации. Люди, будучи лишены прежнего груза природных и социальных обременений, с какого-то момента оказываются в критической зоне, став существенно свободнее в выборе ценностных ориентиров и миростроительных перспектив.

Личности, восстанавливающей суверенитет, приходится снова переживать крушение мироустройства. Изменение духа времени, нарастающий релятивизм норм, метаморфозы привычных объектов индуцируют движение от тотальной стандартизации, духовного материализма, массового общества, поп-культуры и «нахальства посредственностей» к оригинальным формам сложноорганизованного быта, индивидуации пассионарных персон, неотчуждаемости их креаций, легализации альтернативных институтов и маршрутов практики.

Так преодолевается секулярный барьер, происходит новое смешение земли и неба.

* * *

^{§§§§} В соответствии с предвидением Альфреда Сави (Alfred Sauvy. «Ce Tiers-Monde, ignoré, exploité, méprisé comme le Tiers-État» // *L'Observateur*, 14.08.1952).

Дорога из второго в третье тысячелетие пролегает на руинах представлений о прогрессе и естественном человеке: путь, ведущий от декларации «смерти Бога» к провозглашению «смерти человека». И восстанию элит.

Углубленное познание людской природы, кажется, предопределяет генезис антропологического естествознания как комплексной (в синтезе с этнологией) науки о людях и сообществах. В числе тем – практика и миражи радикальных преобразований. Неоантропологическая революция. Общество «массовой индивидуации». Гипотезы о постчеловечестве. Мультипликация интерфейса с техносферой. Энтузиазм и фантазии трансгуманизма. Перспективы различных форматов технической и химической инструментализации тела, его функций, метаболизма. Искусственная стимуляция мозга, включая психофизические, нейрогуморальные девиации. Квир-идентичности. Савантизм. Проскопия. Трансформация сознания и одновременно – вероятность его уплощения, неоархаизации (ср. «клиповое мышление», «гиперрефлекторность», «мистификация карт жизни», «двоеверие», «неокарго» и т.д.).

К тому же появляются качественно иные субъекты практики. В зазоре между гибкостью человеческого разума и дигитальным могуществом ИТ обнаруживается сообщество программ, обретающее ум, отличный от человеческого. И определенную автономию. Рассматриваются также сценарии внешней/внутренней киборгизации (т.е. мета-антропологической субъектности) – процесс, ведущий к генезису еще одной формы интеллекта. Техносфера под воздействием поколений ботов становится интерактивной и рефлекторной, генерируя симбиотические ветви эволюции. К примеру, одно из определений нового града – территория, где обитает Интернет. И это не метафора.

Между тем девальвация жизни усугубляется (пересечение рубежа «семи гига тонн» обитателей планеты, «голодный миллиард», «трофейная экономика», трупобные опухоли, анонимизированные сообщества), провоцируя мысли о вероятности вспышки массовой и эффективной деструкции. *****

В итоге на дорожной карте цивилизации обозначилась точка сингулярности человеческой вселенной, чреватая *Большим социальным взрывом*.

II. DEUS IRAE. В ОЖИДАНИИ СЛЕДУЮЩЕГО УДАРА

Желанием отдаленного словно огнем разжигаются все части души,
отсутствующее вменяется ими за присутствие.
И туда простираются все помыслы.
преп. Исаак Сирин

Революционер – человек обреченный... в глубине своего существа не на словах только, а на деле
разорвал он всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром и со всеми
законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира.
Он для него – враг беспощадный, и если продолжает жить в нем,
то только для того, чтобы вернее разрушить...
Наше дело – страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.
Сергей Нечаев

«Что будет завтра, бойся разгадывать», предостерегал Гораций... Но если все-таки заглянуть за горизонт, прочерченный в согласии с основным качеством живого существа – инстинктом бытия,

***** Ср. красочное описание последних дней Атлантиды в повести Алексея Толстого «Аэлита» (1923).

тесно связанным с конструктивными формами существования? Происходящие на планете события заставляют задуматься о чувствах гнева, боли, незащищенности, испытываемых слишком многими. И отращении к образовавшейся конструкции мира. Чувствах, способных активировать темную сторону человеческой природы в полном согласии со свободой выбирать между добром и злом.

В том числе в пользу мрачного выбора.

* * *

Христианство мыслит категориями восстановления, исцеляя и обновляя человека (ἀποκατάστασις). Оно возвращает заблудившимся в лабиринтах древнего мира состояние свободы и полноты бытия. Отделяет от ветхости мира сего. Лишает чар господства природу, расколдовывает ее.

Но обретая власть над природой, люди начинают мыслить бытие как пространство утилизации, промышлять им, тиранствуя над переданным в управление естеством, унижая, гипостазируя обретенное дорогою ценой достоинство. Индустриализм, расширяя возможности и утверждая могущество, одновременно усугубляет ситуацию, обращая человека в эффективную функцию, жизнь – в сумму операций. Опошление вызывает, однако, протест живой плоти, ведет к восстанию против омертвления и деспотии.

Цель революции тем временем затуманивается миазмами помраченного разума: мировоззрение, утратив целостность, рождает лишенное благодати потомство – призрачное поколение идеологий. Вожди бродящих во мгле – из племен отверженных и неприкаянных...

Постиндустриализм лечит подобное подобным, снимает диссоциации, деконструируя механику исторического конвейера. Мир замер в ожидании результатов рукотворного преобразования, трепеща перед энigmой самовосстановленного человечества.

ЭЛИТНЫЙ ПЕРЕВОРОТ

«Им всякая чужбина – отечество, и всякое отечество – чужбина».⁺⁺⁺⁺ В недрах практики на рубеже тысячелетий проявился субъект, активно влияющий на реальность. Это комплексные сообщества, эффективно действующие личности/группы, отсеченные от прежних корней, но получившие доступ к могучим инструментам трансграничной цивилизации: финансовым, информационным, организационным, техническим.

Энергичные конклавы: корпорации, союзы, клубы, комиссии, глобальные племена, сетевые интегрии, «торы-боры», вдохновляясь футуристичными замыслами и ощущая себя – независимо от регалий прежнего порядка – элитой Нового мира, способны драматично распоряжаться своей и чужой свободой, действуя как с той, так и с другой стороны иерархий. Их диалог при этом ведется поверх голов людей, равно воспринимаемых как хор безликих статистов.

Время, необходимое для организации провокативных и масштабных проектов, сжимается, возможности же воплощения, пространство действия многократно расширились. Мир сегодня – полигон полифоничных замыслов, тестовая площадка виртуозных технологий, высокоадаптивных

⁺⁺⁺⁺ «Христиане населяют свои отечества, но как пришельцы; во всем участвуют как граждане, но все терпят как чужестранцы; всякая чужбина им – отечество, и всякое отечество – чужбина... Будучи во плоти, они не по плотскому живут; по земле скитаются, но на небе жительствоуют». «Послания к Диогнету», II в. (автор, предположительно, Иустин Мученик).

рефлексов, конфликтов между производством промышленного/творческого контента и управлением им.

Для неформальной, но влиятельной элиты, выстраивающей смысловые коридоры, отыскивающей чревооточины в среде стратегической неопределенности, характерны синергичная комбинаторика умножающихся активов, сила умной гибкости, персональное разделение рисков, нестандартность решений, высокий градус самоорганизации и креативности. Демонстрационный характер ряда акций уживается с непубличностью других. Амбициозные сообщества не слишком нуждаются в институционализации претензий – по крайней мере, в прежнем смысле – что оборачивается проблематичностью декодирования внешне иррациональных связей, анонимностью событий либо полисубъектностью неоднозначных инициатив.

Действуя поверх социоконструкций (подчас самой конструктивности), неклассические операторы отличаются произвольным толкованием закона, прямым небрежением им, тягой к точечному, акупунктурному усилению, дискретному героизму, системному и хаососложному («эффект бабочки») терроризму. Но, пожалуй, правильнее сказать: они не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики, утрачивающие бывшее значение, обретая черты спектакля и карнавала.

* * *

Все же нынешняя сценография – своеобразная Большая пауза: перерезаемая пуповина постмодерна, его незастроенное предместье и всполохи пост-цивилизации.

Этот смутный театр теней – логово освобожденного творения Франкенштейна: симбиоз произвольных, на скорую руку сшитых регламентов и проектов. Порою, как и всякая химера, причудливого свойства. Однако даже первые картинки калейдоскопа: токсичная финансово-цифровая хрематистика, не вполне сочленяемая в протоколах и логике виртуальность. Радиация лучистых семантических облаков. Эпидемии мемов. Экзотика партисипативных движений и генеральных ансамблей. Витальный магнетизм флешреволюций. Неприкаянные, космополитичные призраки откровений и эшелонированные массивы коммуникаций. Талые воды весны народов... Да и упоминавшийся гиньоль терроризма – все это заметно повлияло на ментальность человека, усомнившегося в представлениях о реальности.

История, нанося удары, творя прорывы, зигзаги, расплывается вполне полновесной валютой – опытом. Исследователи, вычерчивая, стирая и переписывая географию n-мерного глобуса, задумываются: что сулят миру обретаемые им координаты? И каковы же теперь правила игры на планете?

* * *

Культурный шок обостряет ностальгию. Травмы, инсургенции, перевороты провоцируют перебои ритма жизни: они кризисные управляющие временем – механики, а заодно инструменты перемен.

Однако инерционность жизни, ее интерактивность (политичность) подчас вынуждают скорее амортизировать, нежели решать сверхсложные, криптографические задачи. Результатом оказывается обманчивая пауза, затем – разброд, инволюция. При пересечении же барьеров совершается и нарастает разделение регистров. Сияние Глобального Града обретается порой в переливчатой мозаике осколков.

Через пятьсот лет после вхождения в серебристые покои Нового Света люди обнаружили порог, за ним медные врата Нового мира. Двери распахнуты, однако некогда увитые плющом

железо-бетонные геркулесовы столбы новой Ойкумены – *Twin Peaks*: «ахиллесовы ноги» истукана цифрового азарта – невидимую рукой ввергнуты в прах.

Тиражируемая СМИ, фабриками грез картография грядущего – навязчиво апокалиптическая, но вместе с тем карикатурна, конъюнктурна, фрагментарна. В среде умножающихся *X-files* цивилизация стремится удержать начала, наращивая на изнеженное, израненное тело плотную кожу. Переходя из мира дьявольских альтернатив, чудовищных ошибок, творимых ради продления жизни и удержания ада, к многолюдному обществу, где прежние ценности ставятся ни во что, а человеческая жизнь дешевле, чем на невольничьих рынках древности.

«КОРПОРАЦИЯ ЗЕМЛЯ»

На пороге XXI века распался прежний формат отношений Запада и Востока, Севера и Юга. Мировой Север и мировой Юг – это не «Север», «Юг» двадцати-тридцатилетней давности. Парящий в ожерелье из спутников контроля и связи град Нового Севера – трансграничный планетарный кампус, униполярный портал, где генерируются протоколы поведения и вершится конвергенция элит.

Генетически данный мир восходит к североатлантической цивилизации, однако обладает собственным целеполаганием, плотной виртуальной телесностью, протееобразной иерархией, калейдоскопичной, многомерной топографией.

Летучая Лапутания озабочена не столько идеями мирового баланса, стабильности суверенитетов, культуртрегерской экспансии, но скорее доминированием над динамичными сюжетами практики: амплитудами мирового дохода, траекториями ресурсных потоков, модификацией средств господства, капитализацией нематериальных кладовых, открытием мастерских артефактов, эмиссией искусных аберраций, прокладкой смысловых тоннелей и отысканием нелинейных синкоп. Будущее при определенных условиях может расцениваться как трофей.

Концерт интерсообщества карточных (*a la carte*) администраций, контрэлит, астероидных групп, теневых картелей исполняет композицию, перенасыщенную импровизациями и обертонами. Единицей идентичности становится *инструмент* – тип деятельности, либо принадлежность к *сегменту оркестра* – влиятельному клану. И менее всего это игра для публики в зале: насельников национальных подворий.

* * *

На теневой стороне Луны течет своя жизнь. Интерлюдия глобального («глубокого») Юга – номады миноритарных владельцев «Корпорации Земля», альтернативная трансграничность, рассеянная на клочках и делянках планеты.

Пестрая неоархаика пестует, холит экзотику: заумь конспирологии, концепты парapolитики, рудименты асимметричного «прямого действия»... Отвергаются либо извращаются коды поведения, характерные для бывшего «большого социума», а профессиональное и социальное подчас меняется местами. Или синтезируется. Квази-пайщики пытаются доосмыслить, спроектировать, утвердить собственные правила дорожной карты в сетях и нетях актуальной истории. Действовать по нынешним – для них бессмысленно: прекарии остаются маргиналами, не имея ни контракта, обеспечивающего доступ к авуарам цивилизации, ни прямых представителей в глобальном Совете директоров.

Впрочем, в катакомбах морлоков и прежде возникали мыслители, деконструкторы, несхожие меж собою, одержимые, однако, единым желанием подвести мины под рельсы несущегося локомотива Модернити. Сегодня рыцари плутовских личин и господа гексогена также выискуют *magisterium*, способный преобразить маргинала в признанную *urbi et orbi* силу...

Но кое-что меняется.

Одно из сокровищ, извлекаемых из кладовых всевластья – ресурс смерти: деструкция, возведенная в ранг цели и абсолюта. Другими словами, смысл жизни прочитывается не как поступательное движение к сияющему граду и даже не как снятие обременений и комфортное обустройство быта, а как жгучее, неистовое стремление реализовать свой единственный неотчуждаемый земной ресурс: смерть.

ПЕРЕКРЕСТОК

По планете расползается архипелаг глобальных пропорций.

Призрачная квазигосударственность «пиратских республик» на побережье Африканского Рога. Кровавая перекройка юго-западного Судана. «Территория перманентной войны» у Великих озер. Сепаратная зона племен в Пакистане. Революционно-криминальные ареалы сельвы. Прочие головоломки «золотых» треугольников, звезд, полумесяцев. Непосещаемые чужаками гетто. Инсургенты и смертники. Армии детей и куски мяса, завернутые в страницы Библии... Все это вотчины и полигоны миноритариев «Корпорации Земля».

Сегодня большинство проводимых ими сделок – контролируемо, векселя – часто ничтожны, однако имеют шанс стать полновесной валютой, будучи обеспечены щедро расточаемой смертью. Чужой или своей. И, пожалуй, вкладывают они в данное понятие несколько иной от привычных прочтений смысл. Ресурс же востребован на рынке, пользуется спросом в среде комплексных операций. Порою он неплохо конвертируем в другие виды как экзотических, так и конвенциональных валют.

Феноменология «цивилизации смерти»^{****} вшивается острой иглой и крепится кожаными заплатами на ветхой ткани политических/экономических игр.

* * *

Обитатели Юга – легионы вирулентных лангольеров, рассеянных на ограниченных земными пределами территориях. Их статус – пожиратели времени, профессиональные безработные, кормильцы родов, наемники-кондотьеры, обезличенные работники общечеловеческой мастерской. Шаг за шагом они наступают настоящее, вгрызаются в будущее и наследуют обугленные земли.

Их претензии на пересмотр конвенционального номоканона не купируемы допэмиссией акций (включая виртуальные кладовые). Эти люди нередко сами ищут смерти. Но на определенных условиях. В грезах нищенствующих нибелунгов проблескивают трансэкономические мотивы. И смерть может стать героем – носителем наивысших доблестей и самых глубоких добродетелей. «Кто знает, эта жизнь ни есть ли смерть, и смерть ни есть ли жизнь для смертных»?

^{****} Ср. рассуждение о «культуре смерти» в «*Evangelium Vitae*» Иоанна Павла II (Ioannes Paulus II, 1995).

А привитая, вынужденная либо показная покорность не исключает желания время от времени демонстрировать – даже в огороженных частоколом метрополисах – зубы зверя в ночи.

* * *

Управление кризисами, инволюция/эволюция рисков согласно пометам в рецептуре, приводит как к разрешению конфликтов, так и форсажу турбулентностей. Самоорганизующаяся критичность может оказаться привычно сослагательным вывихом и, опрокинув в какой-то момент удерживаемый мыслью порядок вещей, выскользнуть вовне, кардинально изменив понимание истории.

В повседневности случались повороты и перевероты, когда идеалы, замыслы летели прочь с ломающейся на ходу повозки. А следы копыт заметались переменчивыми ветрами. Несокрушимая же и легендарная цивилизация, словно труп Атлантиды, в одночасье погружалась в Лету.

Речь, однако, о другом: легализации транзитной неравновесности в качестве перманентного состояния бытия.

«ЗАХВАТИ БУДУЩЕЕ!»

Когда «над жизнью нет судии» – мир начинает грезить концом истории. Антропологической катастрофой. Постчеловеческим универсумом. Или культурой смерти.

Ну, а если судия есть, но приговор обвинительный? В возникающей сумятице постсекулярная вольница вскроет ледорубами погребца «онтологического первенства ничто», извлекая скользкую и холодную мысль о допустимости и благе деструкции. Возможно безбожия. Но чаще – инобожия.

Усмешка холодного разума – в коммерческом характере предложения, ибо есть выбор: «раствориться в небытии» либо «обрести сразу и вдруг бытие иное». То и другое, как говорится, без гарантий.

Вместе с башнями-близнецами рухнул практикабль прошлого столетия, уже поврежденный, подточенный трещинами Освенцима и ГУЛАГа, Камбоджи и Руанды (список не исчерпывающий). На подмостках же исторической сцены обнаружилась потаенная ипостась постсекуляризма, его темный близнец: союз *misérables* и «людей тени», обративших в рутину плоды собственного искушения закулисным действием. Прилежный аспирант, выпускник университетов Крысолова, крошка-горнист выходит из пещер мирового андеграунда на агору с песней-побудкой. И предъявляет права на эксперимент: *строительство масштабной траектории на основе собственной версии всепоглощающей жертвенности*. Ожидая не менее грандиозного ее разрешения...

Ибо ход истории зависит не только от держателей векселей и реестров, но от совокупной жертвы, выбора человечества. Удивительно, большинство людей, несмотря на органичные/привычные недостатки, не любят, когда цветы топчут, а младенцев убивают. Вечно юная весна народов – в людской крови, и омывается она – той же кровью. В условиях, когда власть нагло, деспотично подавляет личность, душит милосердие, пародирует справедливость, осмеивает благородство, с корнями выпалывая ростки «прекрасных порывов», лишь уникальная жертва способна одержать верх над взбесившейся реальностью.

* * *

Горький привкус, присутствующий в последней сентенции, опознается сознанием, пребывающим в шоке, опасаясь нуклеарного распада основ. Кажется, такое лекарство лучше любого наркотика способно поддержать вкус к холодной жизни, при других обстоятельствах вызывающей омерзение.

В лабиринтах мирового андеграунда, подобно ленте Мёбиуса, связавшей призрачными эскалаторами пузыри земли с воздушными островами, для слишком многих путешественников приоткрываются «кладовые жертвы». Промышляют же опасным ресурсом пока немногие – глубоко лично, интимно, каждый по-своему. Однако все более массово.

Ну, а умные/безумные головы открывают не только версии ОМП: здесь ведь Клондайк века сего – развертывающиеся веером тропы стратегического селектива.

Идея же корректировки истории жертвой – та идея, на которой зиждилась двухтысячелетняя цивилизация – предельно извратилась, обретая совершенно не христианское звучание. Прежняя история заканчивается. Параллельно, сквозь клише и стереотипы пробивается новая, чьи огненные руны пока непривычны, но картография уже обозначена руинами.

Благодарю за внимание.

SUMMARY. *Современность (modernity): это завершённый или незавершённый проект? Сегодня можно констатировать серьёзные искажения основ его социально-политического дизайна и просвещенческой культуры. Существует ряд определений складывающейся ситуации: общество постиндустриальное, постсовременное, информационное, когнитивное, креативное, сложное (комплексное) и т.п. Однако полноценное описание пока отсутствует, речь скорее идет о ситуации перехода.*

Тем не менее, мы можем содержательно рассуждать о различных аспектах транзита: историческом, политическом, экономическом, культурном, методологическом, аксиологическом, философском, теологическом, антропологическом, прогностическом. Иначе говоря, констатировать системный характер кризиса современной цивилизации. Феноменология глобальной трансформации включает преобразования политики и экономики, культурный (контркультурный) поворот, сдвиги в международном праве, глокализацию, деэтанализацию, неорегионализацию (геоэкономику), хрематистику финансов, капитализацию нематериальных активов, изменения в социальных регламентах, моральных нормах etc.

Одно из направлений анализа перемен – размышления о постсекулярном мире. Секулярное общество уникально в истории. Не случайным образом возникнув и развиваясь в лоне христианской культуры, оно отражает присущий ей статус человека как свободной личности. Энергия преобразований, расширенное воспроизводство – характерные черты данной культуры, равно как признание нелинейности мира и методология, заложившая основы инновационно-технического взлета: примат эмпирического/неспекулятивного знания (естественные науки).

Частичная стерилизация картины мира, присутствующая в секулярном концепте, и сопутствующий ей реванш линейной логики, влекли многообразные следствия. Для культуры модернистской на стадии позднего индустриализма были характерны активное технологическое конструирование, интенсивное промышленное производство, взгляд на государство как на политическую машину, на войны как форму индустриальной деятельности. И, парадоксальным

образом по отношению к основам этой цивилизации, на личность как «машинного человека» (*Maschinenmensch*). Получила развитие социальная инженерия, сформировался новый класс: номенклатура – своего рода страта политических инженеров. Произошла элитизация и «машинизация» общества. Как следствие механистичность представлений вела к уплощению восприятия реальности, ее редукции. Кроме того, эксцессы секулярности привели к тому, что, будучи интерпретируема как сугубо материалистичный, антирелигиозный эталон, она утрачивает авторитет и легитимность.

Сегодня новый реализм замещает схоластичность «прописей Просвещения», косвенно отражая крах иллюзий секулярного индивида. Кризис данной цивилизационной матрицы – также реакция на трагический опыт XX века, на сомнения в реальности прогресса и адекватности прежней модели мироустройства. Между тем постсекулярность – это не до-секулярное состояние, не рваный религии в прежнем формате, но часть обновленной, комплексной картины мира. Отражает она и кризис институционального христианства («религии»), его растворение в культуре, быте.

Впрочем, постсекулярность можно расценивать как специфический инструмент культуры модерни для адаптации к вызовам времени. Человек приближается к критической точке своего развития, существуя без прежнего груза природных, социальных обременений, становясь все более свободным в выборе ценностных и деятельных альтернатив. Происходит легализация экзотичных духовных горизонтов и нестандартных практик, на планете действует новый субъект, активно влияющий на реальность. Это комплексные динамичные сообщества, личности/группы, лишенные прежних культурных корней и получившие в свое распоряжение от технологичной цивилизации высокоэффективные инструменты

Существуют разные прочтения постсекулярности в ее «западной» и «восточной» ипостаси. «Западная» версия реализуется в условиях индивидуации, комплексности, мультикультурности и возрождения цивилизационной конкуренции. «Восточная» ветвь по-своему связана с антимодернизационной волной (также опровергая, отвергая плоды модерни), реализуя себя, в том числе, в виде различных версий консерватизма либо «нового традиционализма», порою в обновленческой, фундаменталистской или же эклектичной, неоархаичной упаковке.

К тому же резкое возрастание численности населения, развитие деструктивных процессов на территориях глубокого Юга, их контаминирующее воздействие на «большой социум» ведут к коррупции цивилизационного ценза, девальвации жизни и генезису таких явлений, как «новый элитаризм», «мировой андеграунд», «культура смерти». Попытки прогноза будущего указывают на вероятность приближения человеческого универсума к состоянию своеобразной сингулярности – критической точке на дорожной карте цивилизации.

СЕМИНАР «КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО МИРА И НОВЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОСТИ»

Руководитель семинара: И.В. Следзевский. Со-руководитель семинара: А.И. Неклесса

Заседание 26 октября 2011. Тема «Постсекулярный мир». Доклад А.И. Неклессы «Пришествие постсекулярного мира».

Заседание 9 ноября 2011. Тема «Постсоциальный мир». С докладом А.И. Неклессы «Глобальный социальный транзит (*Deus Irae*. В ожидании следующего удара)»

Представленные для обсуждения на семинаре доклады были подготовлены для Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (6-9 октября 2011 г., о. Родос, Греция, секция VI «Диалог о постсекулярном: религиозные и цивилизационные традиции за мир»). Модераторы: профессор Фабио Петито, лектор факультета международных отношений Университета Сассекса; протоиерей Антоний /Ильин/, европейский представитель Фонда «Русский мир», и.о. представителя РПЦ при европейских международных организациях. Основные направления дискуссии: феномен секулярного в современном мире, роль религиозных общин в условиях общественного взрыва; социальное пробуждение и религиозная традиция; социальная аномия и мейнстрим религиозного сознания.

Александр Иванович Неклесса. Руководитель Группы ИНТЕЛРОС. Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Заместитель генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН. Заведующий Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФРАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН). Профессор кафедры геоэкономики Академии геополитических проблем. Член Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ГАО ВВЦ.

Автор/научный руководитель проектов СИНЛА, ЭКОЛАР (1988), «Камелот» (2004), «София» (2004), ВВЦ-2 /«Время-Вперед-Центр» (2009), «Феникс-К» (2010), «Большая Волхонка» (2011).

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА», работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, являлся членом аналитической группы Совета обороны РФ. Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры»), междисциплинарным семинаром «ΣΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Действительный член Русского исторического общества, Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, а также российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF). Член Международного редакционного совета журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук и редколлегий российских журналов «Азия и Африка сегодня», «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия», «Проблемы развития», «Прогнозы и стратегии», «Экономические стратегии». Ведущий еженедельной аналитической программы «Будущее» (FINAM FM).

Автор около 600 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития; стратегический анализ и планирование; геоэкономика; философия истории.

www.intelros.ru

intelros@intelros.ru

OPERA SELECTA

АЛЕКСАНДР НЕКЛЕССА. БУДУЩЕЕ КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ.

http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/budushhee-kak-predchuvstvie/

АЛЕКСАНДР НЕКЛЕССА. ВЕЛИКАЯ СЕРОСТЬ И МУЗЫКА РЕВОЛЮЦИЙ (СТАТЬИ, ИНТЕРВЬЮ).

http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/velikaya-serost-i-muzyka-revolyucij/

АЛЕКСАНДР НЕКЛЕССА. ЛЮДИ ВОЗДУХА, ИЛИ КТО СТРОИТ МИР?

http://www.intelros.org/books/ludi_vozd.htm

АЛЕКСАНДР НЕКЛЕССА. НЕСРОЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ (2002-2006).

http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/nesrochnye-soobshheniya/

И 723. Научный совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации. Рабочие материалы Комиссии. Научное издание. Отпечатано в типографии «Борей». Усл. печ. л. 2,4. Уч.-изд. л. 1,72. Тираж 150 экз.